

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЕ МАРИЙСКОГО СЛОВА

В процессе развития марийского языка многие слова модифицируют не только семантику и звуковой облик, грамматические особенности, характер и сферу употребления, но и свойственную им морфологическую структуру и словообразовательную соотношенность с производящими словами. Поэтому естественно, что синхронная словообразовательная система во многих случаях не совпадает с диахронической словообразовательной системой, морфемный состав современного марийского языка зачастую отличается от морфологического состава слова более древнего периода его развития.

Так, существительное *вўтэле* 'кулик' и послелог *верч* 'для, ради, за, из-за' в современном марийском языке — слова с простыми (непроизводными) основами. С точки же зрения реального образования слова (диахронии) они представляют собой дериваты: в древности были образованы суффиксальным способом, поэтому воспринимались как слова со сложной (производной) основой. Существительное *вўтэле* представляло собой дериват, образованный от основы (корня) **wўte* 'вода' при помощи суффикса *-le*; послелог *верч* был образован от корня *вер* 'место' с помощью флексии отделительного падежа (аблатива) *-ĉ < *-t*.

Аналогичный факт несовпадения синхронного среза и диахронического разреза слова наблюдается в существительном *пўкшёрме* 'орешник'. В современном марийском литературном языке по соотношению с *пўкш* 'орех' оно выделяет нерегулярный (встречается только в одном слове) суффикс *-ерме*.¹ С историко-генетической же точки зрения *пўкшёрме* было образовано от производящего слова *пўкшёр* 'орешник' присоединением к нему суффикса *-ме*, однако в настоящее время *пўкшёрме* воспринимается — ввиду выпадения из современного марийского литературного языка слова *пўкшёр* (оно продолжает активно употребляться сейчас, пожалуй, только в северо-западном наречии) — как образование от *пўкш* с изолированным суффиксом *-ерме*.

Из сказанного вытекает: 1) во всех случаях нужно четко и последовательно отличать словообразовательный (морфологический) анализ

¹ По своему происхождению морфема «единоличник» *-ерме* представляет собой слияние двух продуктивных суффиксов древнемарийского (даже финно-угорского) периода — суффикса *-er* с собирательным значением и суффикса *-me*, образовавшего существительное от имени. См. И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология II, Йошкар-Ола 1966, стр. 22. Нарращению *-er* дополнительной морфемой *-me* наряду с другими причинами могло способствовать дожившее до нашего времени *pi-zǎlme* 'рябина' (ср. лит. *пызле*): деревья *пўкшёрме* 'орешник' и *пизыльме* 'рябина' по своему внешнему виду и плоду имеют много общего.

слов от этимологического; 2) морфологическая структура слова имеет исторически изменчивый характер.

Однако было бы неправильным думать, что морфемная структура всех слов современного марийского языка ничего общего не имеет с их диахроническим словообразовательным разрезом. Многие слова и в настоящее время членятся на такие же значимые части, как и первоначально, в момент их появления в языке.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет различать следующие основные процессы исторического изменения морфемной структуры марийского слова: опрощение, переразложение и усложнение. Все они в той или иной степени способствуют дальнейшему развитию словообразовательной системы современного марийского языка.

В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые вопросы, связанные с опрощением основы.

Под опрощением, или интеграцией, мы понимаем изменение в морфологической структуре слова, при котором производная основа становится непроизводной, нечленимой. При опрощении корневая морфема как бы поглощает другие значимые части слова, тем самым значительно сокращается количество морфем в слове. Слова, которым не присущи формы словоизменения, в результате опрощения превращаются в нечленимые на морфемы, неделимые целые. Слова, имеющие формы склонения или спряжения, после опрощения остаются делимыми структурными единицами, при этом в их составе выделяются простая основа и флексия.

Превращение сложной основы в простую при опрощении часто сопровождается деэтимологизацией слова как номинативной единицы. Так, основы слов *шуйш* 'протягивать', *йчашаш* 'спорить', *шокташ* 'играть на музыкальном инструменте' подвергались опрощению. Одновременно с этим в них произошла деэтимологизация. В настоящее время они называют явления или предметы объективной действительности не через отношение к производящим их словам, а прямо — вследствие этого наименование соответствующих фактов носит условный характер. Конечно, эти слова в прошлом были мотивированными, о чем свидетельствует сравнение их с соответствующими производящими словами марийского, а также некоторых родственных финно-угорских языков, ср. *шуйш* 'договориться, достигать', *йчө* 'мести', фин. *soida* 'звенеть, раздаваться' (хант. *сей* 'голос', манс. *сои, суи* 'голос, слава').

Степень опрощения основы может быть различной. Наметим две основные ступени: полное и неполное опрощение.

При полном опрощении новые основы не сохраняют следов прошлой членимости на морфемы. Разложить слова, которые в марийском языке пережили полное опрощение, на составляющие их знаменательные элементы можно лишь при помощи глубокого и всестороннего историко-этимологического анализа, привлекая материалы родственных финно-угорских языков. Полное опрощение испытали, например, основы таких слов, как *почанаш* 'валяться, барахтаться', *куржаш* 'бегать', *пукйаш* 'кормить', *кушкыжаш* 'садиться верхом', *кушташ* 'плясать', *волгаш* 'светиться', *каргашаш* 'ссориться, браниться', *кывылчо* 'самка глухаря', *кыткыж* 'беркут', *могыр* 'тело', *воштыр* 'прут' и др.

При изучении развития рассматриваемых слов открывается следующее. Слово *почанаш* в древнем марийском языке было образовано от существительного *поч* 'хвост', которое употребляется и сейчас. Глагол *почанаш*, как можно предполагать, в отдаленном прошлом имел значение 'махать хвостом, шевелить хвостом'. На протяжении длительного

развития марийского языка это слово заметно изменило свое значение и морфологическое строение. Слово *курж(аш)* первоначально распадалось на корень *кур-* (ср. фин. *karata* 'бежать') и суффикс *-ж-*. Глаголы *пукиаш*, *кушкыжаш*, *кушташ*, *каргашаш* при появлении в марийском языке были связаны родственными узлами со словами *пуаш* 'давать', *кушкаш* 'расти', *куржаш* 'бежать', *каргаш* 'проклинать, ругать'. Слова *волг(аш)*, *кывылчо*, *куткыж*, *могыр*, *воштыр* членились на корневые морфемы *вол-* (ср. фин. *valo* 'свет'), *кувил-* (ср. фин. *korvelo* 'самка глухаря'), *кутк-* (ср. коми *кутш* 'орел', фин. *koikka* то же), *могы-* (ср. венг. *taga*, коми *мыг* 'стан (женской рубашки)'), *вошты-* (ср. фин. *vihta* 'веник') и ныне не выделяемые в этих словах служебные морфемы *-г-*, *-чо*, *-ыж*, *-р*.

При неполном опрошении, которое представляет собой начальную ступень интеграции, основы слов также теряют былую способность распадаться на составные части и воспринимаются говорящими по-марийски как непроемные основы. Однако следы прошлой производности таких основ все же оказались не совершенно стертными и мы в известной степени их ощущаем. Примеры слов, основы которых пережили процесс неполного опрошения: *йолаш* 'штаны', *шўранш* 'крупя', *руаш* 'тесто', *ыльжаш* 'разгораться', *волгыжаш* 'светать', *тангашаш* 'соревноваться', *пуалташ* 'веять (зерно)', *локтылаш* 'портить', *тодылаш* 'загнуть', *лўмдылаш* 'обзывать', *шупшалаш* 'целовать', *тўналаш* 'начинать' и др.

Заметим, что термины «полное опрошение» и «неполное опрошение» в известной степени условны, так как обе разновидности этого явления идентичны и представляют собой лишь факты уже совершившейся интеграции основы. Эти виды опрошения противопоставляются друг другу не степенью своей завершенности, а только степенью своей «прозрачности» с этимологической точки зрения для языкового сознания говорящего.²

Процесс опрошения происходит по разным причинам. В качестве основной можно считать изменения в значении, которые совершаются в производных и производящих словах, а именно — семантический разрыв между производными и образующими их словами и этимологически родственными образованиями. Опрошение семантического происхождения пережили, например, слова *пуалташ* 'веять (зерно)', *вишкыде* 'жидкий', *пешкыде* 'твердый', *тангашаш* 'соревноваться', *каргашаш* 'ссориться', *шўраш* 'удлинять', *иле* 'сырой, влажный', *лўлче* 'свилеватый', *сўрасаш* 'соглашаться', *ыльжаш* 'разгораться', *пырдыж* 'стена', *волгыжаш* 'светать', *йўштылаш* 'купаться', *кушкыжаш* 'сесть верхом', *кушташ* 'плясать', *ўчашаш* 'спорить', *локтылаш* 'портить', *тодылаш* 'загнуть', *пукиаш* 'кормить', *почанаш* 'барахтаться', *пўрдалаш* 'валяться', *лўмдылаш* 'обзывать', *шўранаш* 'подмазываться, лебезить', *мокшыно* 'налим', *ўгынчаш* 'вкатывать', *шўкшў* 'плохой', *йолаш* 'штаны', *руаш* 'тесто', *кылымде* 'пупок', *шынгалык* 'полог', *кўчёмдыш* 'задиристый', *верешташ* 'попадать' и др.

В этих словах интеграция нескольких морфем, входящих в основу, произошла потому, что они изменили свое первоначальное значение и перестали семантически соотноситься с производящими или родственными словами *пуаш* 'дуть', *виш* 'открытый', *пеш* 'очень', *тан* 'приятель, друг', *каргаш* 'проклинать', *шўраш* 'доходить', *илаш* 'жить', *пулчаш* 'наматывать на голову', *сўраш* 'обещать', *пўрдаш* 'обкладывать', *волгыш* 'светиться', *йўштў* 'холодный', *кушкаш* 'расти', *куржаш* 'бежать', *ўчў* 'месть', *локташ* 'колдовать', *тодаш* 'плести', *пуаш* 'давать', *поч* 'хвост',

² Ср. Н. М. Шанский, Очерки по русскому словообразованию, Москва 1968, стр. 194.

põrdásh 'кружиться', *lõmdásh* 'называть', *shõrásh* 'мазать', *моки* 'печень', *йюк* 'голос', *шюк* 'сор, мусор', *йол* 'нога', *ру* 'закваска', *кыл* 'ручка', *шынá* 'комар', *кючásh* 'просить', *вер* 'место'. Все эти слова воспринимаются сейчас как корневые и имеют свои словарные гнезда.

В глаголе *tõnalásh* 'начинать' (ср. *tõn* 'основа') интеграция основы произошла также вследствие семантического сдвига. В прошлом это слово, как можно предполагать, имело значение 'являться основой, основать', которое со временем было вытеснено значением 'приступить к какому-нибудь действию'. В силу этого *tõnalásh*, которое раньше четко выделяло корень *tõn-* и суффикс *-al-*, превратило свою основу в неделимую единицу.

Превращение сложной основы слова *шюрásh* 'крупа' (ср. *шюр* 'суп') в простую связано с развитием в нем на базе значения 'пищевые продукты, предназначенные для приготовления супа' новой семантики — 'цельное или дробленое зерно некоторых растений, употребляемое в пищу'.

Очень ярким примером опрощения, вызванного семантическими изменениями в производном слове, служит глагол *шупшалásh* 'прикасаться губами к кому-чему-нибудь в знак любви, преданности, дружбы и т. п., т. е. целовать', который интегрировал свою основу в результате утраты семантической соотносительности с производящим его словом *шупшásh* 'тянуть'. Основа данного глагола, хотя мы и видим ее «морфологический состав», с точки зрения современных словообразовательных связей определяется как простая, производная.

Опрощение может происходить также в результате архаизации, вернее — выпадения (вследствие архаизации) из употребления производящих и всех родственных слов, имевших словообразовательно-семантическую соотносительность со словами, в которых намечается интеграция основ.

В качестве слов, испытавших опрощение «архаизационного» характера, можно назвать, например, следующие (в скобках будут представлены однокоренные слова из родственных языков, послужившие, возможно, базой при образовании марийских слов): *пыжásh* 'гнездо' (ср. морд. *пиза*, фин. *pesä*, эст. *pesa* 'гнездо', коми *поз*, удм. *пуз* 'яйцо'), *курж-ásh* 'бежать' (фин. *karata*), *лопшánge* 'шершень' (морд. *лэксень*), *чарлánge* 'цапля' (удм. *чарлан* 'чайка'), *кундэм* 'край' (фин. *kunta* 'область, община'), *могыр* 'тело' (венг. *taga*, коми *мыг* 'стан (женской рубашки)'), *локшынч-ásh* 'тесать' (морд. *лаксемс*), *кйткыж* 'беркут' (фин. *kotka*, коми *кути* 'орел'), *шинчá* 'глаза' (коми, удм. *син*, хант. *ссн*), *күвылчо* 'самка глухаря' (фин. *korvelo*), *волгásh* 'светиться' (фин. *valo* 'свет'), *куншюльö* 'сойка' (фин. *kuikso*, коми *кукша*), *пыльш* 'ухо' (коми, удм. *пель*, морд. *пиле*, венг. *fül*) и др.

По всей видимости, в результате исчезновения из языка производящих (быть может, также родственных) слов произошло слияние двух стоящих рядом морфем в основах следующих слов: *ломышásh* 'мычать', *кечкыжásh* 'кряхтеть', *коржásh* 'нить', *вургыжásh* 'волноваться', *урмышásh* 'выть' (ср. *лоргásh* — *лоргыжásh* 'громко, хрипло смеяться, говорить'), *пургедásh* 'ковырять' (ср. *толásh* 'прийти' — *толедásh* 'приходить'), *шунгалтásh* 'падать', *помжалтásh* 'просыпаться' (ср. *петырásh* 'закрывать' — *петыралтásh* 'закрываться'), *тымык* 'тишина', *йонгыдо* 'просторный', *нүгыдо* 'густой' (ср. *луш* 'слабо' — *лүшкыдо* 'слабый'), *пызнásh* 'жаться, впиваться' (ср. *шүяш* 'удлинять' — *шуйнásh* 'удлиниться') и др.

В некоторых случаях опрощение наблюдается и в словах на *-та* и *-ка*. В марийском языке эти служебные морфемы придают словам, вы-

ражающим качество предмета, дополнительное значение — неполноты обладания качеством, а также некоторый уменьшительно-ласкательный оттенок (*кужакá* 'длинноватый' — *кужү* 'длинный', *шучкатá* 'страшно-ватый' — *шүчко* 'страшный', *лапкатá* 'низковатый' — *лапка* 'низкий'). Однако в ряде слов эти значения могут со временем выветриваться, что обычно происходит, когда из языка исчезают слова, от которых были образованы производные с *-та* и *-ка*. В результате следы прежней производности этих слов оказываются совершенно стертymi. К таким словам относятся *яшкатá* 'стройный', *топкатá* 'здоровый, упитанный', *каклякá* 'кривой', диал. *лаксакá* 'низменный', *йыпкатá* 'длинный и узкий'.

Следует иметь в виду, что опрощение «архаизационного» происхождения имеет место лишь в том случае, если языком утрачиваются не только образующее слово, но и все другие родственные слова, соотносительные с тем словом, в котором предполагается интеграция морфемного состава.

Если же исчезает из языка лишь образующее слово, а родственные слова (даже одно) продолжают употребляться, соответствующее производное не интегрирует смежные морфемы, оно продолжает сохранять членимый характер основы и воспринимается как слово со связанным корнем, т. е. с корнем, известным только в сочетании с основообразующими суффиксами. Например, корни слов *йүкшáш* 'охлаждаться', *муждáш* 'гадать', *шолыштáш* 'воровать', *эмгатáш* 'ушибать', *тарватáш* 'сдвигать', *пудратáш* 'мешать', *таранáш* 'настраиваться', *коштáш* 'сушить', *шенгéл* 'задний', *ончыл* 'передний', *амыргáш* 'пачкаться', *түлыжгö* 'вялый', *туныктáш* 'учить', *яклакá* 'скользящий', *ошкэдáш* 'шагать', *йүл* 'нижний', *түнö* 'на дворе', *лишыл* 'близкий' и т. п. в марийском литературном языке самостоятельно не употребляются, они известны только в составе производных основ родственных слов и выступают в связи с теми или иными «нефлексионными» аффиксами, ср. однокоренные слова *кáлге* 'прохладный', *мужáнче* 'гадалка', *шóлып* 'тайно', *эмганáш* 'ушибаться', *тарванáш* 'сдвигаться', *пудранáш* 'мешаться', *таратáш* 'настраивать', *кошкáш* 'сушиться, сохнуть', *шенгéке* 'назад', *ончыко* 'вперед', *áмырчык* 'неряха', *түлыжстарáш* 'забить, притеснять', *тунемáш* 'учиться', *яклештáш* 'скользить', *ошкыл* 'шаг', *йүлнö* 'внизу', *йүлч* 'снизу', *йүлн* 'внизу', *йүлкö* 'вниз', *түгö* 'на двор', *түán* 'на дворе', *лишне* 'близко', *лишке* 'близко', *лишыч* 'из близкого места' и др.

Следовательно, основы слсв, относящихся как к первой, так и ко второй группе, не пережили опрощения, они остаются сложными единицами, состоящими из связанных корней и суффиксов.

В связи с этим попутно заметим, что связанные корни, которые возникли в результате семантического расхождения исходного слова с производными от него словами, тоже не теряют своей самостоятельности, не составляют единого целого со стоящими рядом морфемами. В качестве примеров со связанными корнями такого происхождения, в которых не состоялось опрощение, можно назвать пары *кáньыле* 'удобный, легкий' — *кáньысыр* 'неудобный, беспокойный', *вашák* 'остатки на посуде, обедки' — *вашкалáш* 'пачкать', *эркын* 'тихо, медленно' — *эркышнáш* 'замедлиться, ослабевать', *вийнáш* 'выпрямляться' — *вийш* 'прямой' и др., ср. производящие их слова *кан-áш* 'отдыхать', *ваш* 'друг друга, взаимно', *эрык* 'свобода', *вий* 'сила' (ср. удм. *ёзви* 'сустав').

Следующей причиной, вызывающей опрощение, следует считать различные фонетические процессы, которые приводят к изменению звукового облика производящего или производного слова. По сравнению с двумя рассмотренными эта причина занимает незначительное место.

Так, опрощение основы в слове *малáш* 'спать' объясняется только фонетическим изменением производного слова. В прошлом это слово было образовано при помощи присоединения словообразовательного суффикса *-ал-* к *ómo* 'сон' и его основа разлагалась на корень *ом-* и суффикс *-ал-*. С течением времени в диалектах, лежащих в основе марийского литературного языка, оно утратило начальный гласный корня (несколько модифицированный, он употребляется в некоторых говорах лугового наречия — *умалáш* 'спать' — и в северо-западном наречии — *амалáш*) и, интегрировав знаменательные элементы своей основы, стало пониматься как слово с простой основой.

В большинстве же случаев фонетические модификации для процесса опрощения имеют несколько иное значение. Речь идет о том, что звуковые изменения в таких случаях не служат первопричиной, сами по себе не вызывают опрощение, они создают почву для интеграции, как бы закрепляют начавшееся изменение морфологической структуры слова, обусловленное семантическими и «архаизационными» причинами.

Закрепляющую роль играла фонетическая модификация, например, при опрощении основ следующих слов: *ылыжáш* 'разгораться', *пырдыж* 'стена', *куштáш* 'плясать', *йыгынчáш* 'икать', *күлъяш* 'лучшая часть кудели' и др. Основной причиной, вызывающей опрощение основ, в этих словах является, как отмечено выше, образование большой семантической дистанции между названными исторически производными и образующими их словами *илáш* 'жить', *пүрдáш* 'обкладывать', *куржáш* 'бежать', *йүк* 'голос', *кыл* 'струна, ручка (двери), связь'. Фонетические изменения, которые имели место в первой группе слов — *ы-* < *и-*, *-ы-* < *-й-*, *-шт-* < *-ршт-*, *йг-* < *йүк-*, *-й-* < *-ы-*, лишь поддерживали интеграцию семантического происхождения.

В глаголе *шоктáш* 'играть (на музыкальном инструменте)' опрощение, обусловленное уходом из марийского языка производящего и, может быть, родственных слов, ср. фин. *soida* 'звучать, звенеть', хант. *сей* 'голос', манс. *суи, сои* 'голос, слава', коми *шы* 'звук, голос', сопровождалось фонетической модификацией *šojäkta-š* до *шоктáш*.³

Рассматривая причины опрощения, нужно, наконец, учитывать словообразовательную изоляцию слова в процессе заимствования.

Во многих словах, заимствованных марийским языком, происходит интеграция состава основы, и такие слова на почве марийского языка (как и других заимствующих языков) воспринимаются как производные; например: *вотум, вольёр, витрина* (в этих словах опрощению основы, конечно, сопутствует деэтимологизация, особенно наглядно об этом свидетельствуют факты так наз. скрытой тавтологии: *кастёнсе серенáда* 'вечерняя серенада', *профóрмылан* 'для проформы'), *земляк, высóтник, сдинолiчник, послáнник, словáрь* и др.

Однако было бы неправильным думать, что основы всех заимствованных слов подвергаются опрощению. В иноязычном слове интеграция основы происходит лишь в том случае, если оно, «переходя в систему усваивающего языка, оказывается одиноким, не имеющим соотносительных себе родственных слов. В том случае, если в этом языке уже имеются слова с той же — в синхронном плане — производной основой, а также если слово заимствуется одновременно с ему родственным, опрощения не происходит».⁴ Такая основа на почве марийского языка разлагается на свободный или связанный корень и суффикс, например: *задáча* — *задáч-ник*, *мехáн-ик* — *механ-izm* — *механ-ич-еский*, *уч-й-тель* — *уч-ен-йк* — *уч-ённый* и др.

³ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 110.

⁴ Н. М. Шанский, указ. раб., стр. 209.

Опрошение пережили также так наз. непроизводные интернациональные слова. В языке-источнике они представляли собой слова, состоящие из двух или нескольких корней. В марийском языке (и в других заимствующих) эти слова были восприняты как структурно целые, не разлагаемые ни на какие значимые части: *географий, телеграф, биолог, футбол, аэродром, микрофон, семафор, монографий, геодезий, демократ, теплограф*.

Исчезновение морфологических узлов происходит также на стыке непроизводной основы и окончания. Основа поглощает смежный флексийный элемент в большинстве случаев в словах, заимствованных из других языков. Так, многие русские слова в процессе усвоения их марийским языком подвергаются опрошению. Окончания именительного падежа, обычно характерные для многих русских существительных, на почве марийского языка вошли в состав основы, а вместо материально выраженного окончания русского языка эти слова выработали себе нулевые флексии, свойственные финно-угорским языкам с незапамятных времен, например: *окна́* 'окно', *трупка́* 'трубка', *мочыла́* 'мочало', *бригада́*, *правительство́*, *печенье́*, *ведро́* 'ведро', *воронка́*, *ре́ва* 'репа', *шенка́* 'зыбка', *кольца́* 'кольцо', *сукара́* 'сухари', *коньки́*, *агентство́*, *фа́брика*.

Процесс интеграции на стыке основы и флексии, сопровождаемый деэтимологизацией, наблюдается также в некоторых собственно марийских и финно-угорских словах.

Такое опрошение произошло в послелогах *дék(e)* 'к, за', *деч* 'от, у', *дéне* 'с, около' и *дерáн* 'у, возле'. Корни этих служебных слов в современном марийском языке самостоятельно не употребляются, подверглись «арханзации», утратили они и одногенетическое словесное окружение (родственные слова). О первоначальном значении и прежнем фонетическом облике корня, общего для всех названных послелогов, мы можем догадываться лишь на основе сопоставления с соответствующими словами родственных языков и некоторых марийских диалектов, ср. удм. *дор*, *дур* 'край, сторона', *доры*, *дуре* 'к', *дорын*, *дурын* 'у', *дорысь*, *бурысь* 'от', коми *доре*, *дорын*, *дорысь* то же; мар. йошк.-олин., вост. *тёрне* 'дома', *тёрке* 'домой'. Послелоги *дéне*, *дéке*, *деч*, *дерáн*, как явствует из сравнения, в древности имели корень **ter-*, который обозначал место, пространство. К нему присоединялись древние окончания пространственно-местных падежей *-ne*, *-ke*, *-č*, *-an*. С течением времени в этих словах на стыке корня и флексии состоялось опрошение, одновременно существительное перешло в наречие, а затем (в марийском литературном языке) и в послелог, не разлагающийся на значимые части.

В словах *о́жно* 'прежде', *верч* 'для, ради, за, из-за', *кумык* 'ничком', *му́чко* 'по, вдоль', *пачéш* 'за', *олмéш* 'вместо', *нергéн* 'о' основы также вобрали в себя окончания, т. е. произошла интеграция соседних морфем. Историю развития этих слов вкратце можно изложить так. Современное наречие *о́жно* в прошлом состояло из корня *ож-* (ср. коми *водз* 'рано') и окончания местного падежа *-но* (ср. *ончыл* 'передний' — *ончылно* 'вперед'). Послелог *верч* сложился из двух знаменательных частей — существительного *вер* 'место' (употребляющегося и сейчас) и флексии древнего аблатива *ч* < **t* (ср. *умбáл* 'наружный' — *умбáч* 'снаружи'). Прилагательное-наречие *кумык* в прошлом выделяло две значимые части — корень *кум-* и флексию направительного падежа *-к(о)*, ср. *ончыко* 'вперед'. Послелог *му́чко* членился раньше на корень *муч-* (по-видимому, он имел значение 'конец') и древнемарийское падежное окончание *-ко* (ср. *ордыжкó* 'в сторону'). Наречия и послелоги *пачéш* и *олмéш* с точки зрения историко-генетической образовались от

существительных *поч* 'хвост' и *олмо* 'место' с помощью присоединения к ним флексии обстоятельственного падежа *-еш*. Послелог *нергён* восходит к самостоятельному слову *нергё* 'ряд' и послелогу *дэне*, которые при соположении, естественно, подверглись редукции и стяжению.

Таким образом, 1) процесс опрощения на стыке основы и окончания наблюдается в заимствованных, а также в бесфлексийных (чаще всего служебных) словах, образованных на базе слов, в прошлом имевших формы словоизменения, 2) этот вид опрощения происходит не в основе (как в преобладающем большинстве случаев), а в целом слове, 3) слияние основы и флексии происходит лишь тогда, когда слово, переходя из одной части речи в другую или из одного языка в другой, находится в стороне от деривационного процесса, не имеет рядом какого-нибудь соотносительного и родственного ему образования.

В общей системе словообразования опрощение играет значительную роль. При нем слова, в прошлом производные, по ряду рассмотренных выше причин становятся непроизводными, т. е. в языке образуются новые самостоятельные корневые слова. Так, от слова *вер* 'место' в прошлом были образованы новые корневые слова *верч* 'для, ради, за, из-за', *верешташ* 'попадаться', между которыми (т. е. производящим и исторически родственными словами) в современном марийском языке нарушилась словообразовательно-семантическая связь. Эти слова в настоящее время имеют свои производные слова: *верешташ* 'попадаться' — *верештише* 'попадающийся', *верештараш* 'попадать', *верештарымаш* 'попадание' и др.; *вер* 'место' — *веран* 'имеющий место', *веранаш* 'устраивать', *верланаш* 'располагаться', *верандаш* 'устанавливать', *вэрысе* 'местный' и др. Таким образом, опрощение способствует дальнейшему обогащению словарного состава марийского языка.

G. I. LAVRENTJEV (Glazov)

DIE HISTORISCHEN VERÄNDERUNGEN IN DER MORPHOLOGISCHEN STRUKTUR DES WORTES IM MARISCHEN

Die morphologische Struktur vieler Wörter hat einen historisch veränderlichen Charakter. Man unterscheidet folgende Prozesse der historischen Veränderung der morphologischen Bestandteile des marischen Wortes: Abschleifung, Metanalyse, Komplikation.

Unter Abschleifung ist solch eine Veränderung in der morphologischen Struktur des Wortes zu verstehen, in der der abgeleitete, früher in Morpheme zerlegbare Stamm primär, unzerlegbar wird. Man unterscheidet eine volle Abschleifung (der Stamm behält keine Spur der ehemaligen Gliederung, das Wort ist nur durch etymologische Analyse in Morpheme zu zergliedern — *курж(аш)* 'laufen', vgl. finn. *karata*) und teilweise Abschleifung (die ursprüngliche Ableitung ist noch einigermaßen zu erkennen — *шүр(аш)* 'Grütze' vgl. *шүр* 'Suppe').

Gründe, die die Abschleifung hervorrufen:

1. Der semantische Bruch zwischen den abgeleiteten, erzeugenden und etymologisch verwandten Wörtern (*тодылаш* 'umbiegen', vgl. *тодаш* 'flechten'; *верешташ* 'kommen', vgl. *вер* 'Ort').

2. Das Verschwinden aus der Verwendung des erzeugenden und aller verwandten Wörter (*пыжаш* 'Nest', vgl. finn. *pesä*, udm. *пуз*; *шинча* 'Auge', vgl. komi, udm. *син*, chant. *сем*).

3. Verschiedene phonetische Veränderungen des abgeleiteten oder erzeugenden Wortes: *малаш* 'schlafen', vgl. *о́мо* 'Schlaf'.

Ist die phonetische Modifikation nicht Grundursache, so festigt sie in vielen Fällen die begonnene, durch semantische und archaische Ursachen hervorgerufene Veränderung

der morphologischen Struktur (*ygyñčásh* 'hicken', *áyk* 'Stimme'; *шоктásh* 'auf einem Musikinstrument spielen', vgl. finn. *soida* 'klingen, ertönen', chant. *се́й* 'Stimme').

4. Die wortbildende Absonderung des Wortes im Entlehnungsprozeß (*земляк* 'Landsmann', *словáрь* 'Wörterbuch', *витрина́* 'Schaufenster').

Der Abschleifung unterlagen auch internationale Wörter wie *географíй* 'Geographie', *библог* 'Biolog', *футбóл* 'Fußball'.

Die Abschleifung zwischen Stamm und Endung ist in entlehnten Wörtern zu beobachten (*шепка́* 'Wiege' < russ. *зѣбка-а*, *сукарá* 'Zwieback' < russ. *сухар-и*), sowie in den unbiegbaren Wörtern (meistens in Hilfswörtern), die aus solchen Wörtern entstanden, die früher Formen der Wortveränderung aufwiesen (*дене* 'mit, neben' < **ter-ne*; *о́жно* 'früher' (vgl. komi *возд* 'früh') < **ož-no* (vgl. *о́нчыл* 'Vorder-', *о́нчылно* 'vorn').

А. И. ПОПОВ (Ленинград)

ЧТО ТАКОЕ пертасы?

1. «Житиѣ св. Стефана, епископа Пермского» (Санкт-Петербург 1897) содержит «... имена мѣстомъ и странамъ, и землямъ и иноязычникомъ, живоущимъ въкромѣ около Пермы: Даниине, Оустыожяне, Вилежяне, Вычегжане, Пележане, Южана, Сырьяне, Галкуяне [Габале], Вятчане, Лопъ, Корела, Югра, Печера, Гогоуличи [Вогуджя], Самосель [Самель], Пертасы, Пермь, Бѣлжана, Чусоватъ, [Гамель] Чусоватъ...» Подобные сведения о «Житиѣ» встречаются в некоторых летописях с разночтениями. Имена мѣстности отмечены выносом (в квадратных скобках): в «Стефанской летописи»¹, в Никоновской² и Софийской³ летописях.⁴ Почти все указанные названия (имена местомъ и странамъ) совершенно прозрачны и либо произведены от наименований рек (*Даниине, вычегжане, пележане, южана* и проч.), либо принадлежат к числу хорошо известных по другим источникам племенных обозначений (*лопъ, корела, югра, вогудичи* или *гогуличи, самосель* и т. п.).

Однако конец списка «иноязычников»: «... Пертасы, Пермь Великая, глагодемая [или Гамель] Чусоватъ» нарушает эту прозрачность текста; во-первых, неясно, что такое пертасы, а во-вторых, изло понятно извращение от «глагодемая» до «Гамель» в различных источниках. Имеются и другие разночтения, которых мы здесь касаться не будем.

2. Совершенно естественно, что пертасы «Антида» представляются обычно как одно из племен, окружавших Пермь Великую; это нашло отражение и в указателях к соответствующим источникам, причем нередко пертасы отождествлялись с буртасами, хорошо известными по арабским источникам X века, а также русским летописям и другим документальным материалам XIII—XVII столетий. Буртасы в справочных указателях к летописям часто причислялись к мордве — без всяких и тому оснований.⁵ В настоящее время можно с полной определенностью утверждать, что буртасы были тюрками, в X столетии кочевавшими в южнорусских степях между Волжской Болгарией и Хазарией. Их даль-

¹ Текст упрощен, титла раскрыты.

² Книга степенная царского родоначалия, ч. 2. — Полное собрание русских летописей, т. XXI, Санкт-Петербург 1843, стр. 418 (год 1396 г.).

³ Никоновская летопись. — Полное собрание русских летописей, т. XI, Санкт-Петербург 1897, стр. 165 (год 1396 г.).

⁴ Софийская 1 л. — Полное собрание русских летописей, т. V, Санкт-Петербург 1851, стр. 249—250 (год 1396 г.).

⁵ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей, отд. 2, Санкт-Петербург 1907, стр. 19: «Буртасы (Пертасы); племя мордовское упоминается в числе иноязычников, живущих окрест Пермы». Ближе к истине и пояснения других указателей к летописям.